

К. И. Зубков

**«ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ»
КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ
СТРУКТУРЫ РОССИИ XVI–XIX вв.**

doi: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-16-24

УДК 94(47)“15/18” ББК 63.3(2)5

На основе сопоставления моделей территориального развития государственности на Западе и в России в статье выявляются цивилизационные особенности развития последней, определяемые в наиболее существенных моментах своеобразием пространственно-географических и культурно-исторических условий Евразии. Геополитически уязвимое положение России, начиная с ее самого раннего государственного прототипа — Киевской Руси, открытость и политическая аморфность ее границ, соприкасающихся с областями расселения воинственных степняков-кочевников, обусловили исторически длительный и сложный процесс стабилизации ее государственной территории. Развитие последней сопровождалось не только расширением или сжатием, но и существенными изменениями базисной силовой конфигурации, функциональной и стратегической роли отдельных земель и областей. Одним из магистральных направлений государственного развития России в этих условиях становились усовершенствование и стабилизация ее геополитического положения и формирование территориальной структуры, которая бы наилучшим образом отвечала этим задачам. Группировки событий и процессов, связанных с глубокими качественными преобразованиями этих сфер государственного развития, предлагается выделять как «геополитические революции». Содержание этого понятия, мотивации и механизмы «геополитической революции» разбираются на примере вынужденной трансформации территориальных основ русской государственности в XII–XVI вв. Для имперской эпохи в истории России предлагается выделить три критически важных периода трансформаций, которые, имея в основе схожую и преемственно наследуемую «программу» действий, подпадают под характеристику «геополитических революций». Данный концепт, позволяя систематизировать исторический материал и выделить доминанты пространственного развития государства, может служить основой для комплексной периодизации истории России.

Ключевые слова: *Россия, Евразия, геополитика, государство, цивилизация, территориальная структура, «геополитическая революция»*

Несмотря на устоявшееся разделение политики государств на внешнюю и внутреннюю и далеко не редкие примеры того, как эти два направления политики могут расходиться друг с другом, мысль об их глубинном существенном единстве имеет очень древние корни. Так, в конфуцианской политической традиции Китая процветание внутри государства и его внешняя слава имели в основе единый источник — соответствие правления «небесному мандату» (*тянь мин*). И наоборот — если стране постигали разорительные нашествия «варваров» и различные проявления внутреннего неустойства (голод, мятежи и т. п.), то это означало, что правитель утратил благоволение высших сил.¹

¹ О сущности концепта *тянь мин* подробнее см.: Jiang Yonglin. *The Mandate of Heaven and The Great Ming Code*. Seattle; London, 2011. P. 11–17.

Мистифицированный взгляд на взаимосвязь внешней и внутренней политики — но уже с элементами рационального объяснения — был характерен и для Европы при переходе от Средних веков к Ренессансу. Как полагал французский мыслитель Филипп де Коммин, советник короля Людовика XI, именно Бог сотворил такой порядок вещей, что на политической сцене Европы каждому государству обязательно противостоит другое равновеликое ему по силе государство (Англии — Франция, Испании — Португалия, государям Италии — итальянские же города-коммуны и т. д.). Высшая мудрость такого порядка состоит в том, что Бог, создавая для каждого государя внешнюю угрозу, держит его «в смирении и страхе», заставляя милостиво и справедливо относиться к своим подданным.² Нетрудно усмотреть в этой схеме набросок зарождающейся европейской системы «политического равновесия», или баланса сил, которая

Зубков Константин Иванович — к.и.н., руководитель Центра методологии и историографии, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург) E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

² См.: Филипп де Коммин. Мемуары. М., 1986. С. 206.

в дальнейшем будет положена в основу сменяющих друг друга европоцентричных систем международных отношений (Вестфальской, Венской и даже отчасти Версальской).

Два с половиной столетия спустя схему де Коммина подхватит и разовьет, снабдив объяснениями в духе географического детерминизма, Ш. Монтескье. Согласно его концепции, сами географические условия Европы — как замкнутого с трех сторон участка суши, разделенного к тому же природными барьерами (заливы, горы, реки и т. п.) на сопоставимые по размерам области — исторически привели к тому, что здесь «народы противостоят друг другу как сильный сильному», что в конечном итоге — несмотря на временное усиление то одной, то другой державы — служит гарантией свойственного им духа свободы и постоянно сохраняющегося по этой причине равновесия сил. Совсем иной случай — известные европейцам части Азии, где огромные плоские равнины — с меньшим числом естественных преград и редкостью источников воды — предопределяют образование «обширных империй» с деспотической формой правления. Несовместимость рабства и свободы, по мысли Монтескье, приводит к тому, что, в отличие от плотно собранного и стабильного в своем составе ансамбля государств Европы, Азия служит ареной постоянных завоеваний, в результате которых одна империя может стремительно замещаться другой.³

На уровне наивно-натуралистической социологии своего времени Монтескье затронул очень важную проблему цивилизационного своеобразия процессов формирования и развития государств, каждое из которых для него является не просто застывшей юридической конструкцией, но социально-территориальным организмом, возникающим в определенном природно-географическом и системно-политическом окружении и отражающим своей судьбой влияние этих факторов. В этой трактовке природы государства Монтескье выступает предтечей позднейших геополитических теорий.

Система «концерта» держав, основанного на балансе сил, действительно прослеживается в истории Европы на протяжении XVII–XIX вв. Г. Киссинджер генезис этой системы связывал с закатом идеи имперского универсализма и перенесением центра тяжести в по-

литике государств на свободу следования своим собственным интересам (принцип *raison d'état*) — прежде всего в сфере безопасности.⁴ В сумме же — в тесно сопряженном ансамбле государств — столкновение их интересов порождает эффект взаимного сдерживания — ту безличную силу обстоятельств, которая приводит всю систему к равновесию как к средству общего спасения. В этой системе государство может стремиться к достижению идеала «естественных границ», незаметно переходя затем к попыткам установления имперской гегемонии в масштабе континента, но в конечном итоге возрастающее совокупное противодействие его противников настолько истощает его ресурсы и силы, что вся межгосударственная система быстро возвращается к исходным позициям. Примером может служить траектория внешней политики Франции от победоносного распространения революции до падения империи Наполеона.⁵

Для нашего анализа, однако, важно выяснить, в каком отношении находились в рамках этой европейской системы «политического равновесия» внешняя политика государств и их внутренняя территориальная структура. (Под территориальной структурой, или паттерном, понимаются в данном случае конфигурации опорных географических элементов, которые критически важны для обеспечения безопасности или экономических возможностей государства и определяют в этом качестве пространственные модели социального действия.) Как отмечал К. Шмитт, большой авторитет в вопросах европейского государства и права, система баланса сил накладывала глубокий отпечаток на пространственное развитие европейских государств, порождая особый порядок территориальных изменений. В силу механизма взаимного сдерживания все территориальные изменения в Европе XVII–XIX вв. — образование новых государств, провозглашение независимости или нейтралитета, переделы владений — носили маргинальный характер и санкционировались как результат либо коалиционных войн, либо коллективных договоров между так называемыми великими державами — избранным числом государств, образующих своего рода каркас системы

⁴ См.: Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 47.

⁵ См.: The Geopolitics of France: Maintaining Its Influence in a Changing Europe: Analysis / Stratfor, September 13, 2010. URL: <https://www.stratfor.com/analysis/geopolitics-france-maintaining-its-influence-changing-europe> (дата обращения: 15.09.2023).

³ См.: Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 388, 391.

«политического равновесия». Как следствие относительного постоянства пропорций силы в рамках этого порядка, относительно стабильной оставалась и внутренняя территориальная структура ведущих государств Европы (векторы пространственного развития, положение исторически возникших территориальных «ядер» и политических центров, характер отношений столицы и провинций и т. п.). Даже такие радикальные изменения, как образование в 1871 г. второго Германского рейха (с присоединением Эльзаса и Лотарингии), происходили с максимальным сохранением под гегемонией Пруссии прежнего старогерманского порядка, в котором «многочисленные средние и мелкие силы» остались при своих позициях, составив подобие квази-федеративного объединения.⁶

Известный простор для экспансии, а с нею — и перспективу сколько-нибудь значительного изменения пропорций силы и влияния, европейские державы обретают в связи с развернувшимися уже в XVI–XVII вв. колониальными захватами и образованием на этой основе заморских колониальных империй. При этом, как подчеркивал Шмитт, колониальная сфера выводилась европейским правом за пределы европоцентричной системы межгосударственных отношений, в силу чего в войнах между государствами Европы колониальный ресурс очень скоро превратился в удобную разменную монету, посредством которой подводился баланс территориальных приращений или утрат по итогам побед и поражений. При этом под защитой общих правил политики, диктуемых системой «политического равновесия», территории метрополий практически не подвергались изменениям.⁷ Классическим примером может служить завершавший Семилетнюю войну 1756–1763 гг. Парижский мирный договор 1763 г., который, полностью сохраняя статус кво на Европейском континенте, подвел итоги борьбы существенным переделом колониальных владений воюющих держав в Северной Америке, Индии и Африке.

Совершенно иной характер государственно-территориального развития, а вместе с ним — и иной тип взаимосвязи внешней и внутренней политики, складывался на окраинах Восточной Европы, откуда на восток — почти

до самого Тихого океана — протянулась череда пространных равнин Северной Евразии, соединенных непрерывным поясом Великой степи — от венгерской пушты до северной Маньчжурии. Именно этот степной коридор, по которому из глубин Азии в течение веков двигались на запад орды кочевников — начиная с гуннов, аваров, болгар и хазар и заканчивая мадьярами, печенегами, половцами и татаро-монголами, — представлял собой, по Х. Дж. Маккиндеру, объединяющую, но чрезвычайно подвижную ось евразийской истории, определявшую в том числе обстановку на подступах к Европе.⁸ Прорываясь через теснину между Каспием и южными отрогами Урала и имея на юге стесняющую движение водную громаду Черного моря, сменяющие друг друга волны кочевников с особой силой осуществляли натиск на юг Русской равнины, роковым образом повлияв на судьбу возникшего в VIII–X вв. Древнерусского государства с центром в Киеве. Устойчивость и завершенность его территориальной структуры определялись стратегически важным положением на транзитной магистрали волховско-днепровского речного пути между Балтикой и Черным морем, что обеспечивало не только торговые преимущества, но и выгоды, проистекавшие из полноты и органичности хозяйственных связей между северными и южными частями Русской равнины. Однако значение стабилизирующих эту структуру государства факторов существенно обесценивалось открытостью и аморфным состоянием его границ на юге и затем почти по всему левобережью Днепра. Если в первые века существования Киевской Руси русским князьям с переменным успехом удавалось отражать набеги кочевников, продвигая — под прикрытием засек, лесных вклиниваний и укрепленных пунктов — общий контур безопасности и земледельческую славянскую колонизацию на юг Приднепровья и Подонья,⁹ то появление в середине XI в. в южнорусских степях многолюдных половецких орд критически изменило ситуацию. Натиск кочевой стихии создал сильнейший «вращательный» момент, который, с одной стороны, привел к «разносу» формирующегося ядра Древнерусского государства и его последующей деградации в «пограничное военное поселение»,

⁶ См.: Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб., 2008. С. 246–248.

⁷ См.: Там же. С. 168.

⁸ См.: Mackinder H. J. *The Geographical Pivot of History* // *The Geographical Journal*. 1904. Vol. 23, № 4. P. 425, 426.

⁹ См.: Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000. С. 45.

«страну казаков», а с другой — заставил восточнославянскую колонизацию осуществить разворот к новому мощному направлению миграции — северо-восточному.¹⁰

По своему историческому смыслу это движение было не просто сменой вектора колонизации, но основательной перегруппировкой (и даже миграционным сдвигом) общего паттерна государственной территории — с сопутствующим переносом основной области хозяйствования и политического «ядра» государства с благодатных почв Приднепровья в негостеприимные северные леса Верхней Волги и Оки. Разумеется, этот геополитический сдвиг подготавливался постепенно. Перенесение хозяйственной активности населения на северо-восток заняло почти весь XII в.; по мере того как русские форпосты на юге Приднепровья теряли население, на левобережье Днепра умножались половецкие кочевья. Упадку хозяйственной жизни способствовали возросшие риски торгового транзита по Днепру и временная утрата интереса к Северному Причерноморью со стороны Византии после первого крестового похода 1096–1099 гг. Снижение же политической роли Киева растянулось от его показательного жестокого разгрома Андреем Боголюбским в 1169 г. до окончательного разорения Батыем в 1240 г.¹¹

Далеко не сразу определились и последствия того геополитического «сжатия», которое претерпело Древнерусское государство в XII–XIII вв. Оборонительный характер этого ухода Руси с авансцены европейской истории стал еще более очевиден после установления власти Золотой Орды над русскими землями в 1240–1250-х гг. Политическое возвышение Москвы в период ордынского ига, конечно, нельзя объяснять той провиденциальной перспективой, которую рисовал С. М. Соловьев, подчеркивая ее центральное положение в общем массиве русских земель, как идеальной «страны источников», откуда во все стороны расходятся — по путям будущего «собирания» земель — водные артерии: на восток и юго-восток (Волга, Ока), на юг (Дон), на юго-запад (Десна, Днепр), на северо-запад и север (Волхов, Западная Двина, Северная Двина).¹² Скорее можно согласиться с С. Ф. Платоновым,

что Москва, как и соседняя Тверь, возвысились в самый тяжелый период русской истории, главным образом благодаря тому, что география грабительских набегов татар (в основном на Муром, Рязань, Владимир и Суздаль) в силу лучшей природной защищенности первых городов затрагивала их в гораздо меньшей степени, что, в свою очередь, привлекало туда спасавшееся население.¹³ В этот же период определились основные векторы дальнейшего перемещения населения и хозяйственной активности — с верхней Волги на ближний север и северо-восток, которые стали, по выражению С. Ф. Платонова, настоящим «средоточием русских народных сил», соединившим в единое целое разнородные движущие силы колонизации — черносошное крестьянство, торговцев и промышленников, мелких князей-вотчинников и монастырскую братию.¹⁴ Оживление хозяйственной жизни Русского Севера — усилиями как новгородской, так и «низовской» колонизации — с этого времени лишь отчасти можно объяснить его компенсаторным значением в условиях усиления «континентальности» русской экономики,¹⁵ потребностями внешней торговли и относительной технической простотой эксплуатации северных промысловых ресурсов.¹⁶ География регулярно осуществлявшихся эвакуационных «отходов» русских сил (как и маршрутов эвакуации государственной казны) в периоды наиболее крупных — достигавших Москвы — татарских набегов (1382, 1408 гг.) и других критических военных угроз (1480 г.) наглядно показывает, что ближний Русский Север (Кострома, Белоозеро, Вологда) играл совершенно исключительную роль безопасного стратегического тыла государства. Даже в 1571 г., после сожжения Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем, Иван Грозный, по сообщению «Вологодского Летописца», «был... на Вологде и помышляше в Поморския страны».¹⁷

Об опорной территориальной структуре Русского государства к середине XVI в. можно косвенно судить по результатам осуществленного Иваном Грозным в 1564–1565 гг. разделения государственной территории на «опричнину»

¹⁰ См.: Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. М., 1988. Кн. 1, т. 1–2. С. 66.

¹¹ См.: Sumner B. Humphry. Survey of Russian History. London, 1966. P. 27.

¹² См.: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 66–73.

¹³ См.: Платонов С. Ф. Прошлое русского Севера: Очерки по истории колонизации Поморья. Пб., 1923. С. 25.

¹⁴ См.: Там же. С. 22.

¹⁵ См.: Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М., 1987. Т. 1, ч. 1. С. 310.

¹⁶ См.: Кизеветтер А. А. Русский Север: Роль Северного Края Европейской России в истории русского государства. Исторический очерк. Вологда, 1919. С. 64, 65.

¹⁷ Полное собрание русских летописей. Л., 1982. Т. 37. С. 195.

и «земщину». Согласно С. Ф. Платонову, основу опричнины составили не только самые защищенные, но и наиболее ценные в экономическом отношении центральные и северные области государства, оставив в старом — земском — порядке управления окраинные земли по южной и западной границам.¹⁸ Таким образом, можно заключить, что к этому времени опорная конфигурация территории Русского государства напоминала собой нечто вроде широтной «оборонительной» дуги, выходящей из междуречья Оки и верхней Волги на Русский Север и оттуда, огибая Вятку, спускавшейся через Великую Пермь на «строгановский» Урал до земель Югры.

Несмотря на протяженный во времени и сложный по палитре составляющих событий и процессов характер, в произошедшей с XII по середину XVI в. трансформации геополитического положения (как и самого географического базиса) Русского государства ясно просматривается завершенность перехода от одной его геополитической структуры к другой. Сопровождающие этот качественный сдвиг изменения территориальной структуры государства не сводятся только к приобретению или утрате земель, но — что более важно — определяют закономерные изменения состава государственной территории, функциональной роли и стратегической ценности ее отдельных частей: угасание и возрастающую уязвимость одних, возвышение и динамичное развитие других. Меняются содержание, интенсивность и направленность социальных связей между территориями, формируются новые векторы экспансии. Вместе с тем, как механизм «собираания земель», меняется и сам политический строй: рыхлую, квази-федеративную родовую державу Рюриковичей сменяет «вотчинная» самодержавная монархия, выстраиваемая как единый военный лагерь.¹⁹ По сжатой сумме и глубине своих последствий подобные комплексные трансформации можно характеризовать как своего рода «геополитические революции».²⁰ В нашем случае это понятие обозначает не современную метафору

перехода мировой политической системы от западнцентричной «однополярности» к «многополярности»,²¹ но конкретно-исторический механизм, характеризующий цивилизационные особенности развития российской государственности в очень своеобразных пространственно-географических и культурно-исторических условиях Евразии.

В чем-то механизм «геополитической революции» можно сравнить с механизмом революции социальной. Точно так же, как развитие экономической жизни, достигая критической массы исторических накоплений, в конце концов «взрывает» старую оболочку социальных и политических отношений, так и сумма подспудно накапливающихся в обществе новых потребностей рождает силу толчка для перехода от одной геополитической структуры — изжившей себя и угнетающей развитие — к другой, открывающей путь новым тенденциям экономического и социально-политического развития.

Сложнее выглядит проблема соотнесения объективного содержания и субъективной формы его выражения в революциях одного и другого типа. Как успешную социальную революцию невозможно представить без направляющих усилий субъективного социального действия, так и «геополитическую революцию» сложно рассматривать без учета субъективного фактора и определенной «программы» действий. Возможно, в этом смысле определению «геополитической революции» менее всего соответствует фаза геополитического «сжатия» XII — середины XVI вв. и перехода от геополитического генотипа Киевской Руси к Московскому, поскольку новый базис государства в этом случае изменился разительно, но формировался скорее стихийно, в результате беспорядочного геополитического «отступления», при сильнейшем турбулентном воздействии номадического фактора. С другой стороны, эта фаза принципиально важна как переломный по своему значению особый случай «геополитической революции», поскольку в ее результате Русское государство, испытав все негативные последствия нестабильности и уязвимости развития в условиях Евразии, обрело новую диспозицию — с прочным стратегическим тылом и с позицией, несравненно более выгодной для развертывания «возвратной» пространственной экспансии в широчайшем масштабе.

²¹ См.: Брутенц К. Н. Великая геополитическая революция. М., 2014.

¹⁸ См.: Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пб., 1923. С. 122, 123.

¹⁹ См.: Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 158–161.

²⁰ Отправная идея концепта «геополитической революции» впервые изложена автором в более ранней публикации: Зубков К. И. Геополитические основания периодизации истории России Нового и новейшего времени // Современный педагог-историк: актуальные проблемы профессиональной подготовки и профессиональной деятельности. XIX всерос. историко-педагог. чтения. Екатеринбург, 2015. Ч. 1. С. 146–151.

Интуитивное предвидение ее направлений и пределов можно усмотреть в известном по списку конца XVII в., но относимом еще к временам Ивана Калиты пророчестве митрополита Петра о грядущей судьбе «царствующего града» Москвы, который «всеми странами прославится, восточную, и южную, и северную, и преобладает многими ордами до теплого моря и от студеного окияна».²² В отношении же последующих крупных этапов развития России и связанных с ними «геополитических революций» уже вполне обоснованно можно говорить о наличии определенной и преемственно наследуемой «программы» действий — если, конечно, иметь в виду под последней не конкретные виды или планы какого-либо царствования, но присутствующие в самосознании разных групп общества элементы геополитической картины мира и вытекающие из них устойчивые ориентиры действий. Такого рода «программы» могли слагаться из реакций на внешние вызовы, поучительных примеров других государств, вдохновляющих исторических преданий и т. п.

Применительно практически ко всем крупным этапам в развитии Российской империи можно отметить в качестве устойчиво воспроизводимых компонентов геополитической «программы» определенные императивы политической стратегии. Среди них на первое место, вероятно, следует поставить важнейший императив безопасности государства — стремление к достижению «естественных границ», что в условиях огромных и политически аморфных пространств Евразии, как отмечал В. П. Семенов-Тянь-Шанский, означало прежде всего формирование «чрезматериковой» территориальной структуры, ее стабилизацию выходом к морским побережьям и разделительным барьерам горных хребтов.²³ Поэтапность реализации этой цели должна была обеспечиваться установлением господства над речными магистралями, пересекающими крупные степные массивы на более мелкие и потому поддающиеся эффективному контролю фрагменты.²⁴ В рамках этой стратегической цели достижения прочных границ размывалась в значительной степени оценочная

граница между войнами завоевательными и оборонительными.

Выход к морям, в свою очередь, приобретал для России особое значение как средство приобретения торговых преимуществ (включая возможности организации транзита между Западом и Востоком), что должно было служить стимулом общего экономического развития страны. Вопрос о стабилизации территориальной структуры России двумя мощными геополитическими «контрфорсами» — выходами на Балтику и в Черное море — одновременно являлся ключевым с точки зрения исторического самосознания восходящей Российской империи, поскольку так или иначе касался восстановления прафеоменальной геополитической структуры Киевской Руси и, соответственно, легитимации прав на ее наследие.

Не менее примечательная черта геополитической стратегии, красной нитью проходящая через все военно-колониционные предприятия имперской России, — это стремление к улучшению геополитических позиций и территориальной структуры государства, прежде всего за счет балансирования (и дополнения) доминировавшего восточного вектора русской колонизации градиентом движения в южном направлении. Это проявлялось, в частности, в унаследованной от периода XII–XVI вв. тенденции движения на восток путем опережающего создания сдвинутого на север геополитического «навеса» над будущими районами экспансии, расположенными на юге.²⁵ Продвижение колонизации на восток, сталкиваясь со всё более неблагоприятными условиями ведения сельского хозяйства, со временем стало поддерживаться главным образом за счет расширяющейся эксплуатации стратегических ресурсов (пушнина, руды, золото и т. п.), и его роль как стратегического тыла в определенной мере компенсировала осложнение геополитической ситуации на западном фланге страны. Упорное же движение на юг, воплощая неизменное стремление русского земледельца к более плодородным землям, а правительства — к поискам удобных выходов в теплые моря, по мере устранения военной опасности стало характеризоваться несравнимо более высокими темпами заселения и хозяйственного освоения, чем на востоке. Такая динамика во многом объяснялась тем, что именно экспансия на юг в наибольшей степени способствовала

²² Русское историческое повествование XVI–XVII веков. М., 1984. С. 155.

²³ См.: Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. М.; Л., 1928. С. 161, 189.

²⁴ См.: Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / Алексеев В. В. [и др.]. М., 2004. С. 30–32.

²⁵ См.: Там же. С. 27.

«достройке» экономического «большого пространства», основанного на полноте общественного разделения труда и взаимодополняемости экономических возможностей северных и южных регионов.²⁶

Исходя из постоянно воспроизводимых, закономерных черт этой геополитической «программы» на всем протяжении имперской истории России (включая «предымперию» период Московского царства) можно выделить по крайней мере три ясно выраженных группировки событий, которые можно квалифицировать как однотипные и схожие по рисунку «геополитические революции». (Поскольку их характеристика основана на систематизации общеизвестных фактов истории, ограничимся в данном случае очень кратким и схематичным обзором наиболее значительных изменений в геополитическом положении и территориальной структуре страны.)

Первая (и не во всем удавшаяся) масштабная «геополитическая революция», знаменовавшая выход Московской Руси из состояния оборонительного «ухода», может быть отнесена к царствованию Ивана IV (1533–1584 гг.): началась она с попыток разворота сдвинутой на северо-восток широтной оборонительной дуги в меридиональном направлении (по течению Волги), а завершилась ее эшелонированием через создание глубокого и эффективно контролируемого восточного тыла, обретенного в результате открытия пути по Каме и последующего завоевания Сибири. На фоне неудачной (но весьма показательной) попытки широкого прорыва на Балтийское побережье (Ливонская война 1558–1583 гг.) наиболее существенным достижением этой геостратегии стало завоевание течения Волги с решающим сломом исключительно опасной и изолирующей Россию с юга — юго-востока османско-татарской геополитической «магистрали» (покорение Казани в 1552 г. и Астрахани в 1556 г., присоединение западной и центральной Башкирии в 1553–1558 гг., дезинтеграция Ногайской орды) и стабилизацией южной геополитической «опоры» через установление стратегического — нацеленного против османской Турции — взаимодействия с Персией через Каспий. На северном геополитическом фланге оттеснение России с Балтики было от-

части компенсировано возрастанием торговой активности на Северной Двине и побережье Белого моря (установление прямых морских сношений с Англией в 1550-х гг., основание Архангельска в 1584 г.). Присоединение Сибири в 1590-х гг. в целом обеспечивало этой меридиональной геополитической конфигурации внушительный «запас прочности» с востока, существенно к тому же — посредством сибирской пушнины — укрепив позиции России в европейской торговле и сформировав тем самым долговременный вектор ее тяготения к Европе. Результатом «геополитической революции», совершенной в правление Ивана Грозного, стало, таким образом, закрепление стабилизирующих геополитических опор Русского государства на Белом и Каспийском морях.

Вторая «геополитическая революция» привязывается к XVIII в. — к череде правлений от Петра I до Екатерины II. В результате победоносной Северной войны (1700–1721 гг.) Петр Великий прочно утвердил Россию на Балтике, перенес туда основной канал внешней торговли страны, но потерпел неудачу в борьбе с Турцией в создании «выдвинутого» на запад южного опорного рубежа (печально завершившийся Прутский поход 1711 г.). Однако эта незавершенность геополитического проекта была компенсирована через активное противодействие османской Турции на восточном Кавказе (взятие Дербента и Баку) и закрепление на южном побережье Каспия — в провинциях Северного Ирана (Персидский поход 1722–1723 гг.). Наиболее значительными шагами в формировании внутреннего эшелонированного тыла этой геополитической конфигурации на востоке стали формирование Уральского горнопромышленного района и первые глубокие разведки в Среднюю Азию. С этого времени — эпохи раннего русского меркантилизма — обнаруживается в целом более прочная системная зависимость между геополитическими успехами России на западе и ее расширением на востоке. Это достаточно хорошо объясняет, почему развитие Петербургского морского порта с 1718 г. как главного окна внешней торговли России напрямую зависело от прямого выхода на балтийское направление таких в высшей степени экспортных товаров ресурсов, как уральское железо. Можно обоснованно утверждать, что если война за Балтику предопределила возникновение горнозаводского Урала, то его последующее развитие, в свою очередь, стало укреплять

²⁶ Об этом см.: Зубков К. И. Геополитический и цивилизационный феномен России // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. Доклады. Екатеринбург, 1995. С. 38, 39.

геополитическую роль Петербурга. В правление Екатерины II завоеванием Новороссии и Крыма было довершено формирование инициированной Петром Великим устойчивой геополитической структуры от Балтики до Черного моря. Это в целом усилило позиции России на европейском направлении, существенно продвинув ее влияние на запад (Тешенский договор 1779 г., разделы Польши), укрепило транзитную роль страны в отношениях между Западом и Востоком, стимулировало рост торговли и экономики на территориях, образующих западный фланг России.

Третья «геополитическая революция», во многом инициированная поражением России в Крымской войне 1853–1855 гг. и потому имевшая сильный компенсирующий крен движения на восток, выразилась в возросшем внимании к развитию военной промышленности на Урале как в ближнем стратегическом тылу (что проявилось сразу после неудачной войны в сдвиге ее мощностей на запад, в Прикамье), а в самой дальней проекции — в закреплении стратегических позиций России на третьем стабилизирующем «чрезматериковую» структуру опорном плацдарме — на Тихом океане (овладение течением Амура, основание Владивостока в 1860 г.). Стремление закреплиться на берегах теплых морей и упрочить связи центра страны с дальневосточными окраинами нашло продолжение в прокладке Транссибирской железнодорожной магистрали (1891–1903 гг.) и в маньчжурском проекте С. Ю. Витте (1896 г.). Завершением третьей «революции» можно считать выход России к «естественным границам» на юге и юго-востоке: в 1859–1864 гг. была завершена полувековая борьба с горцами на Кавказе, а завоевание Средней Азии в 1860–1880-х гг. не только стабилизировало российские границы по линии высокогорных хребтов (Копетдаг, Тянь-Шань, Памир, Алтай), но и решило последнюю крупную сырьевую проблему (хлопок) для само-

достаточного развития российской промышленности. Этими военными кампаниями была решена задача установления политического контроля России над необъятными пространствами Евразии и выхода на стабильные границы с соседними государствами.

Предполагая анализ внешней политики имперской России в неразрывном единстве с формированием ее территориальной структуры, концепт «геополитической революции» тем самым фиксирует цивилизационно своеобразный, отличный от европейского, процесс развития российской государственности. В основе последнего исходно лежало — в качестве императива выживания и безопасности — стремление к поэтапному овладению (и установлению эффективного контроля) открытыми пространствами Русской равнины, а затем и всей Северной Евразии, обретению устойчивой геополитической и внутренней территориальной структуры. С этой точки зрения, осевые направления государственного развития России, последовательность и очередность связанных с этим исторических задач в существенной мере диктовались постоянством природно-географической и культурной морфологии евразийского пространства. Это, в свою очередь, сообщало происходившим изменениям конфигурации и границ государственной территории логику закономерности и периодичный ритм. Поскольку трансформация геополитических позиций государства и изменения его территориальной структуры в рамках каждой из «геополитических революций» носили, как правило, комплексный и взаимообусловленный характер, влияя на экономическую, социально-политическую и культурную жизнь общества, выделение в истории России поэтапно происходивших «геополитических революций» может, помимо упорядочения исторического материала, также служить системой опорных смысловых моментов при укрупненной периодизации ее развития.

Konstantin I. Zubkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

“GEOPOLITICAL REVOLUTIONS” AS A MECHANISM OF TRANSFORMATION OF RUSSIA’S TERRITORIAL STRUCTURE (16TH–19TH CENTURIES)

Based on comparing the models of territorial development of the statehood in the West and in Russia, the article identifies civilization features of the Russian state’s development, which have been determined, in essential moments, by the unique spatial-geographical and cultural-historical conditions of Eurasia. Geopolitically vulnerable position of Russia, starting from its earliest state

prototype — Kievan Rus', the openness and amorphous character of its borders facing the habitat areas of warlike steppe nomads, combined to determine the historically prolonged and complex process of stabilizing its state territory. The latter's development not only took shape of its expansion or contraction but implied the substantial changes in the basic power configuration, as well as in the functional and strategic role of individual lands and regions. Under these conditions, one of the main directions of Russia's state development had to become the improvement and stabilization of its geopolitical position, together with the formation of a territorial structure that would best meet these tasks. The groupings of events and processes associated with deep qualitative transformations of these areas of the state development are suggested to be defined as "geopolitical revolutions". The content of this concept, motivations and mechanisms of the "geopolitical revolution" are analyzed using the example of the forced transformation of the territorial foundations of the Russian statehood during the 12th–16th centuries. For the Imperial era of the Russian history, it is proposed to distinguish three critically important periods of transformation which, having as the basis a similar and successively inherited "program" of actions, fall under the characteristics of the "geopolitical revolution". This concept, making it possible to systematize historical material better and highlight the dominants of the state development, could serve as the basis for a comprehensive periodization of the Russian history.

Keywords: *Russia, Eurasia, geopolitics, state, civilization, territorial structure, "geopolitical revolution"*

REFERENCES

- Alekseev V. V., Alekseeva E. V., Zubkov K. I., Poberezhnikov I. V. *Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoy i tsivilizatsionnoy dinamike. XVI–XX veka* [Asian Russia in Geopolitical and Civilizational Dynamics. 16th–20th Centuries]. Moscow: Nauka Publ., 2004. (in Russ.).
- Brutents K. N. *Velikaya geopoliticheskaya revolyutsiya* [The Great Geopolitical Revolution]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2014. (in Russ.).
- Jiang Y. *The Mandate of Heaven and The Great Ming Code*. Seattle; London: University of Washington Press, 2011. (in English).
- Kavelin K. D. *Nash umstvennyy stroy. Stat'i po filosofii russkoy istorii i kul'tury* [Our Mental Structure. Articles on the Philosophy of Russian History and Culture]. Moscow: Pravda Publ., 1989. (in Russ.).
- Kissinger G. *Diplomatiya* [Diplomacy]. Moscow: Nauchno-izdatel'skiy tsentr "Ladomir" Publ., 1997. (in Russ.).
- Kizevetter A. A. *Russkiy Sever: Rol' Severnogo Kraya Evropeyskoy Rossii v istorii russkogo gosudarstva: istoricheskii ocherk* [Russian North: The Role of the Northern Region of European Russia in the History of the Russian State: A Historical Essay]. Vologda: Tip. Soyuz Severnykh Kooperativnykh Soyuzov Publ., 1919. (in Russ.).
- Lyubavsky M. K. *Istoricheskaya geografiya Rossii v svyazi s kolonizatsiyey* [Historical Geography of Russia in Connection with Colonization]. Saint Petersburg: Lan' Publ., 2000. (in Russ.).
- Platonov S. F. *Ivan Groznyy* [Ivan the Terrible]. Petersburg: Izd-vo Brokgauz-Yefron Publ., 1923. (in Russ.).
- Platonov S. F. *Proshloye russkogo Severa: Ocherki po istorii kolonizatsii Pomor'ya* [The Past of the Russian North: Essays on the History of Colonization of Pomor'ye]. Petersburg: Vremya Publ., 1923. (in Russ.).
- Schmitt K. *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [Nomos of the Earth in the Law of Peoples Jus Publicum Europaeum]. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2008. (in Russ.).
- Semenov-Tyan-Shansky V. P. *Rayon i strana* [Region and Country]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoye izd-vo Publ., 1928. (in Russ.).
- Sumner B. *Humphry. Survey of Russian History*. London: Methuen & Co. Ltd., 1966. (in English).
- Zubkov K. I. [Geopolitical and Civilizational Urphenomen of Russia]. *Regional'naya struktura Rossii v geopoliticheskoy i tsivilizatsionnoy dinamike: doklady* [Regional Structure of Russia in Geopolitical and Civilizational Dynamics: Reports]. Ekaterinburg: BKI Publ., 1995, pp. 36–41. (in Russ.).
- Zubkov K. I. [Geopolitical Foundations for the Periodization of the History of Russia in Modern and Contemporary Times]. *Sovremennyy pedagog-istorik: aktual'nyye problemy professional'noy podgotovki i professional'noy deyatel'nosti. XIX userossiyskiye istoriko-pedagogicheskiye chteniya* [Modern Teacher-Historian: Current Problems of Professional Training and Professional Activity. 19th All-Russian Historical and Pedagogical Readings]. Ekaterinburg: S. n., 2015, part 1, pp. 146–151. (in Russ.).

Для цитирования: Зубков К. И. «Геополитические революции» как механизм трансформации территориальной структуры России XVI–XIX вв. // Уральский исторический вестник. 2024. № 1(82). С. 16–24. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-16-24.

For citation: Zubkov K. I. "Geopolitical Revolutions" as a Mechanism of Transformation of Russia's Territorial Structure (16th–19th Centuries) // Ural Historical Journal, 2024, no. 1(82), pp. 16–24. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-16-24.